

Василина

Метель зачастила в деревню в последних числах февраля. Днем она отлеживалась где-то за озером, а вечерами мегерой носилась по единственной улице, наметая высокие сугробы, раздраженно хлопала незапертыми калитками, скреблась в плотно затворенные двери, слизывала с окон капельки тепла и выла, выла то ль от тоски, то ль от злобы...

А в избе благодать: тепло, на стене по-домашнему уютно тикают старые ходики, под оранжевым абажуром светит-старается электрическая лампочка, па столе фурчит, попрыгивает парком пузатый, до блеска начищенный самовар, в чайнике — свежая заварка, в вазочке сушки, печенье, а вот по говорить не с кем .... беда!

Хоть бы старик дома был. На него хоть поворчать можно, так нет его, ушел-ускакал к дружку своему Степану Лескову дверь рассыпуюся ремонтировать. Василина и глазом моргнуть не успела, как он шапку в руки, ноги в катанки и — поминай как звали.

Знает она, какой там «ремонт». Слава Богу, не один десяток лет вместе прожили. Часика этак через полтора-два заявится: глазенки под лохматыми бровями блестят, бороденка сивая торчком, грудь — как у пегуха колена, ладонь к седому виску поднесет: «Прибыл в ваше полное распоряжение, Василина Андреевна». А уж какое тут распоряжение, если только и остается, что сидеть да его слушать. Трезвый — слова не выцарапаешь, а как выпьет чуток — хоть прищепку на язык цепляй. Да все складно так говорит — слово к слову. Осадить бы, да где обиду на него взять. Дай Бог каждой бабе такого, как ее Василь, мужика иметь.

Разное за долгую жизнь случалось, не без этою, так ведь жизнь поди, не танец на цветочной поляне. Подурит малость и спать ляжет — наказание ее, Василины, любимое...

Василина глубоко вздохнула, отодвинула блюдечко с недопитым чаем. Поговорить страсть как хочется. Хоть бы подруга какая-нибудь зашла навестить — так старые все, как и она сама, а погода-то во дворе — не приведи Господь, хороший хозяин и собаку во двор не выпустит.

Василина снова вздохнула, подперла ладонью щеку. Хоть бы Галина Волгина заглянула. Обещала давеча, у магазина. Подошла, глаза в ноги опустила, спросила тихо, с мольбой:

- Можно я к вам зайду завтра, Василина Андреевна?

Василина покачала головой. Что город этот проклятуший с девкой сделал, не узнать: лицо в морщинах, в глазах тоска. А годков-то ей совсем ничего. А какой была, куда после смерти родителей своих в город жить не уехала — ртуть, а не девчонка. Бабы-то, когда она возвратилась, встревожились, покой да сон потеряли, думали, что она снова начнет ихним мужикам глазки строить, да в одночасье успокоились, другое промеж себя при встрече заговорили:

— С избы-то почти и не выходит, глаза прячет.

Охо-хо! Крутит жизнь людьми, что ветер листьями. А, может, и полюбила кого, а тот нос на сторону воротит. И так бывает. Любить-то силком никого не заставишь...

Василина посмотрела на часы, придерживая наброшенный на худенькие плечи плед, подошла к окну и невольно поежилась. На улице в желтом, качающемся свете фонаря волчком крутилась вьюга. Откуда-то из темноты вынырнула и пробежала мимо калитки, низко опустив морду, поджав хвост, злющая соседская собака...

— К Наталье Звягиной сходить, что ль? — неуверенно пробормотала Василина, глядя на остывающий самовар. — На внучонка ее посмотреть.

Вспомнив, как та гордо хвасталась днем в магазине, улыбнулась.

Горластый, ну прямо спасу нет, — рассказывала она обступившим ее тесным кольцом женщинам. — А волос на голове, что у годовалого, хотя от роду чуть больше недели.

Значит, счастливым будет, — авторитетно заметила одна из женщин, — примета есть такая. Если ямочки на щеках или родинок много — тоже. Вот у Димки моего... Но Наталья нетерпеливо перебила, пожаловалась:

— А вот какого цвета у него глаза, понять не могу: то ль темно-синие, как у отца, то ль черные, как у матери. Эка ты какая, — укоризненно покачивая маленькой, седой как лунь головой,

уронила сидящая на ящике из-под печенья бабка Воинова, четверо сыновей которой не вернулись с войны. — У детей, милая ты моя, только два цвета, глаз имеется — счастливый да несчастный...

— ...И сходила бы, да изба ее в деревне за последним фонарем, пока дойду, ветер аж до костей обмоет, аль ветрюга распроклятый головой в сугроб какой-нибудь сунет — легка телом стала... Может, к Алевтине Горовой? — Василина глянула в окно.—Все ж поближе, только дорогу перейти, так душа не лежит. Скучно с ней. У нее одно на уме — Бог. Бабы поговаривают, что и нецелованная даже. Бог богом, а рожать да растить детей надо. Что там скрывать, было время, и она в Бога верила, молилась если не каждый день, то через день. Да и сейчас нет-нет да и помянет его добрым словом, перекрестится. Тогда-то молилась сначала за своего мужа, чтобы с фронта живым да здоровым вернулся, потом — за сына своего, Николая, — болел очень. А сейчас у Николая-то, летом, прибавление в семействе было. Первыми-то все девчонки рождались, а тут — сын. Старик как узнал, гоголем по деревне заходил, в грудь кулаком стучал, кричал на всю ивановскую:

— И моя кость в сыне имеется! Моя фамилия и дальше шагать будет!

Да и она сама кричать-то не кричала, а всплакнула от радости...

Василина поправила плед, прислушалась. В сенях коротко и густо пропела вьюга. Послышались шаги, в дверь негромко постучали.

— Заходите! Не заперто! — бойко и весело отозвалась Василина.

Дверь медленно отворилась, и порог переступила Галина Волгина. Лицо ее было красным, меховой воротник пальто и шапка — в снегу. Переступила, замерла, сказала тихо, глядя куда-то в сторону:

— Добрый вечер, Василина Андреевна.

— Здравствуй, милая, здравствуй, — ласково отозвалась Василина. — А я тут жду-пожду тебя. Думала, что и не придешь. Наладилась было к Наталье сходить, да погода-то нынче не для прогулок. — Засуетилась: — Да ты раздевайся, раздевайся — негоже у порога-то стоять. Знать, не к чужим пришла. — Улыбнулась, спросила: — Помнишь ли, как я тебя на руках носила, как косы заплетала да в школу водила?

Помню, — чуть слышно отозвалась Галина, снимая пальто и по-прежнему не глядя на суетящуюся у стола Василину.

Родителей-то своих навестила? — Василина строго по смотрела на нее, повернулась лицом к висящей в красном углу избы иконе Богородицы и мелко перекрестилась.

— Навестила.

- Вот и хорошо. Родителей своих помнить надобно, — наставительно заметила Василина. Поставила на стол чашку с блюдцем. — Сейчас мы с тобой чайку всласть попьем, поболтаем, пока мой старик не появился. В непогоду-то ой как хорошо о разном поговорить... Садись, милая.

— Да я на минуточку к вам, Василина Андреевна.

— А где минутка — там и час, — отмахнулась Василина. Налила чай в чашки, улыбнулась: — Нам, бабам, главное, чтоб было за что языком зацепиться... Так ведь? — внимательно посмотрела на осторожно присевшую на краешек стула Галину, встревоженно спросила: — Да что с тобой, Гали пушка?

— Мне б иконку, Василина Андреевна, — чуть слышно выдохнула та, глядя в пол. — Мне б ее до утра только.

— Господи! Да что случилось-то?! — Василина бессильно опустила па табурет.

— День рождения сегодня, — прошептала Галина, на миг вскинув глаза. Помолчав, выдавила: — Сыну моему.

— Сыну? — растерянно пробормотала Василина. — Но как же... Ты ж говорила, что...

— Обманула я... Вам вот только... правду, — прошептала та и заплакала, прилов ладони к лицу.

Василина обмякла телом, растерянно оглянулась, хотела что-то спросить, но лишь плотней укуталась в плед.

— Оставила я его там, в роддоме, — забормотала Галина сквозь слезы. — Отказалась я от него...

- Как это — отказалась? — Василина побледнела. — От собственного ребеночка... Господи! Да что ж это на белом-то свете делается... Господи! — замерла, не сводя с Галины наполненных болью и недоумением глаз.

- Поверила я ему, а он... как узнал... сказал... я думала. В деревне б проходу не было... А в общежитии... Думала, молодая еще, — запинаясь, зашептала Галина. — Я думала. Я не хотела...

Она говорила и говорила, но Василина ее почти не слушала, а просто смотрела и никак не могла понять сидящую перед ней женщину, ту, что нянчила, ту, что кормила молоком из бутылочки, ту... Смотрела и **ничего** не могла понять. В ее голове просто никак не укладывалось то, что услышала... Бросить ребенка...

Оборвала на полуслове. Спросила сухо:

— Икона-то зачем? Никак грех свой отмаливать собираешься или выпросить чего?

Галина подняла на нее красные, заплаканные глаза, но тут же отвела их в сторону, прошептала:

— Не знаю я.

— В душе нет — у Бога не возьмешь, — жестко сказала Василина. Помолчав, добавила: — Уезжай ты. Уезжай ради Бога, ради всего святого... Уезжай...

— Иконку бы, — слабо попросила Галина. — Сердцем я вся изболелась но нему... Снится он... Ручонки ко мне свои тянет... Мне б только до утра...

— Нельзя такое замолить! — выкрикнула Василина. — Нет у Бога прав такое прощать. Люди ему права такого не дали. Уезжай... — прижала руки к высохшей груди. И когда Галина встала и, как побитая, пошла к двери, добавила вздрагивающим голосом: — Будь ты... — Но не договорила.

...Тихо закрылась дверь. И тут Василина уронила голову на стол и заплакала так, как только может плакать женщина, когда ее очень сильно и незаслуженно обидели.